

Элькан О. Б. Концепция «Кихотизма» в творчестве Мигеля де Унамуно / О. Б. Элькан, М. В. Норец, В. А. Путра // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 1. — С. 282–295. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-282-295.

Elkan, O. B., Norets, M. V., Putra, V. A. (2023). Concept of “Quixoticism” in Work of Miguel de Unamuno. *Nauchnyi dialog*, 12 (1): 282-295. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-282-295. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-282-295

Концепция «Кихотизма» в творчестве Мигеля де Унамуно

Элькан Ольга Борисовна¹
orcid.org/0000-0003-2143-3692
доктор искусствоведения, доцент
профессор кафедры общественных
дисциплин и истории искусств
elkan.79@mail.ru

Норец Максим Вадимович²
orcid.org/0000-0002-4168-6278
доктор филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой
теории и практики перевода
mnorets@yandex.ru

Путра Виолетта Анатольевна³
orcid.org/0000-0001-8838-4050
кандидат культурологии
доцент кафедры хореографии
Profi-vita.75@bigmir.net

¹ Санкт-Петербургская государственная
художественно-промышленная академия
имени А. Л. Штиглица
(Санкт-Петербург, Россия)

² Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского
(Симферополь, Россия)

³ Крымский университет культуры,
искусств и туризма
(Симферополь, Россия)

Concept of “Quixoticism” in Work of Miguel de Unamuno

Olga B. Elkan¹
orcid.org/0000-0003-2143-3692
Doctor of Arts, Associate Professor,
Professor of the Department
of Social Disciplines and Art History
elkan.79@mail.ru

Maxim V. Norets²
orcid.org/0000-0002-4168-6278
Doctor of Philology, Associate Professor,
Head of the Department
of Theory and Practice of Translation
mnorets@yandex.ru

Violetta A. Putra³
orcid.org/0000-0001-8838-4050
PhD in Cultural Studies, Associate
Professor,
Department of Choreography
Profi-vita.75@bigmir.net

¹ Saint Petersburg Stieglitz State
Academy of Art and Design
named after A. L. Stieglitz
(St. Petersburg, Russia)

² V. I. Vernadsky Crimean
Federal University
(Simferopol, Russia)

³ Crimean University
of Culture, Arts and Tourism
(Simferopol, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена рассмотрению концепции «кихотизма» М. де Унамуно. Определено, что «Кихотизм» Унамуно формировался на основе философии Ф. М. Достоевского, с которой у М. де Унамуно много общего: восприятие образа Дон Кихота как отражения национального характера. Подчеркивается, что базовое отличие этих философий — реалистичность «христоподобного» образа у Ф. М. Достоевского и реальность «кихотического» образа, выходящего за рамки художественного мира у М. де Унамуно. Доказано, что кихотизм Унамуно по своей сути является религией, которая включает в себя основные религиозные составляющие, однако Дон Кихот обитает на земле, при этом, в отличие от Христа, он человек, человек с божественным началом, человек, который подражает Богу. Авторы отмечают, что, несмотря на разность подходов, и Ф. М. Достоевский, и М. де Унамуно преклоняются перед образом Дон Кихота. Каждый из них видит в нем отражение национальных особенностей народов, к которым себя относят авторы (русского и испанского), а также библейский отсыл к Иисусу Христу. Определено, что отличительными особенностями восприятия является тот факт, что персонажи Ф. М. Достоевского стремятся все к большей реалистичности, тогда как герои Унамуно по-своему более реальны, даже относительно его создателя, и оказывают большее воздействие на существование и духовное развитие «реальных» людей, чем другие «реальные» люди.

Ключевые слова:

кихотизм; руман; Мигель де Унамуно; Федор Достоевский; философия; образ; Христос; богоподобие; вера; религия; философия литературы.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the concept of “quixoticism” by M. de Unamuno. It is determined that Unamuno’s Quixoteism was formed on the basis of the philosophy of F. M. Dostoevsky, with which M. de Unamuno has much in common: the perception of the image of Don Quixote as a reflection of the national character. It is emphasized that the basic difference between these philosophies is the realism of the “Christ-like” image in F. M. Dostoevsky and the reality of the “quixotic” image, which goes beyond the artistic world in M. de Unamuno. It has been proven that Unamuno’s Quixoticism is essentially a religion that includes the main religious components, but Don Quixote lives on earth, while, unlike Christ, he is a man, a man with a divine beginning, a man who imitates God. The authors note that, despite the difference in approaches, both F. M. Dostoevsky and M. de Unamuno bow before the image of Don Quixote. Each of them sees in it a reflection of the national characteristics of the peoples to which the authors identify themselves (Russian and Spanish), as well as a biblical reference to Jesus Christ. It is determined that the distinguishing features of perception is the fact that the characters of F. M. Dostoevsky are striving for greater realism, while the characters of Unamuno are more real in their own way, even relative to its creator, and have a greater impact on the existence and spiritual development of “real” people than other “real” people.

Key words:

quixoticism; ruman; Miguel de Unamuno; Fyodor Dostoevsky; philosophy; image; Christ; godlikeness; Vera; religion; philosophy of literature.

Концепция «Кихотизма» в творчестве Мигеля де Унамуну

© Элькан О. Б., Норец М. В., Путра В. А., 2023

1. Введение = Introduction

Веками люди воспринимали себя прежде всего как элементы той или иной социальной общности — рода, народа, государства и т. п. В той же плоскости большей частью велась и философская, и литературно-художественная разработка темы «Человек». Люди рассматривались в основном как часть системы «человек — социум» или «человек — окружающий мир». Однако даже сегодня мы еще не можем сказать, что действительно приблизились к пониманию личности — «к роковой ее тайне», как сказал когда-то Ф. М. Достоевский. Наше познание постоянно углубляется, и существенный вклад в этот процесс вносят лучшие представители художественной литературы разных стран и эпох — такие, как, например, Достоевский или испанский писатель и философ М. де Унамуну.

Мигель де Унамуну — испанский прозаик, один из наиболее видных представителей испанской литературы (и в целом культуры Испании) XX века [Шайтанов, 2014, с. 410]. «Как романист, драматург, эссеист, поэт и общественный деятель, Мигель де Унамуну (1864—1936) был поразительно энергичным и плодовитым писателем, а также выдающейся фигурой в культурной и политической жизни Испании двадцатого века. В его работах рассматривались фундаментальные вопросы существования и идентичности (как индивидуальной, так и национальной)» [‘A Companion ..., 2016, p. 2].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом для настоящего исследования послужили работы самого Унамуну: «Житие Дон Кихота и Санчо по Мигелю де Сервантесу Сааведре, объясненное и комментированное Мигелем де Унамуну» [Унамуну, 2002], эссе «О трагическом чувстве жизни у людей и народов» [Унамуну, 1996]. Были использованы методы литературного анализа (в частности, пообразного) и биографический.

В отечественной научной литературе интерес к творчеству Унамуну традиционно высок. Не раз отмечалось, например, существенное влияние на философские взгляды Унамуну русских мыслителей и писателей. Во многом это объясняется значительным сходством социально-политических и культурно-исторических факторов в развитии обеих стран — Рос-

сии и Испании. Российские авторы не обходят вниманием и такую яркую страницу наследия Унамуно, как его концепция «кихотизма»; назовем, например, две недавние статьи А. С. Орешкина [Орешкин, 2012а; Орешкин, 2012b] и работу Е. А. Ереминой [Еремина, 2014]. В этих трудах исследуются различные аспекты унамуновского «кихотизма» — от языка и стиля произведений М. де Унамуно до проблемы соотношения реальности и вымысла в его произведениях. Новизна предлагаемого нами подхода заключается, на наш взгляд, в рассмотрении «кихотизма» в качестве своеобразного квазирелигиозного конструкта.

В творчестве Унамуно легко обнаружить идеи, предвосхитившие понимание личности в экзистенциализме и персонализме XX века. Главные темы философских раздумий Унамуно:

- человеческая личность в ее уникальности и индивидуальности («человек из плоти и крови»), что подразумевает отказ от любых «заведомых» принципов и предположений (идеологических, религиозных, социокультурных и пр.), ограничивающих восприятие и понимание конкретной личности;

- тема смерти и бессмертия («бессмертный голод бессмертия») как важнейшая характеристика человеческого существования перед лицом неминуемой смерти);

- проблема свободы воли, которая сводится в итоге к признанию экзистенциальной несвободы личности и поискам путей противостояния этой несвободе. Смертность человека — лишь одно из ярких проявлений этой тотальной несвободы.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Причины возникновения и неугасающего интереса «кихотизма»

Унамуно создал новый тип романа, который сам обозначил как «руман» (исп. *nivola*). Автор противопоставил «руман» доминирующим принципам реализма, господствовавшим в его время в испанских романах (психологическая характеристика персонажей, реалистически описываемая среда и «всеведущий» рассказчик). Персонажи «руманы», как правило, представляют собой концентрированное выражение одной-единственной идеи или страсти, что способствует более глубокому погружению именно в данную конкретную идею и / или страсть. Этим «агонический руман» Унамуно отличается от полифонического романа Достоевского; тем не менее в его сюжете и мотивах прослеживается серьезное влияние русского писателя [Норец, 2021, с. 45]. «Руманная» форма послужила композиционным остовом, на котором выстраиваются основные положения философии личности Унамуно, в первую очередь — вопрос о человеческой свободе.

Хотя идея «вторичности» человеческой реальности, подчиненной высшим силам, была давно популярна в европейской культуре, именно форма ее «подачи» обусловила восприятие этой идеи в «руманах» Унамуно как идеи революционной.

Особый интерес как читательской аудитории, так и исследователей в рамках творчества Унамуно вызывает такой феномен, как так называемый «кихотизм» (исп. *Quixotism*). «Кихотизм» не является, строго говоря, «изобретением» Мигеля де Унамуно — этим термином обозначают обширный тренд в испаноязычной литературе, направленный на глубинную рецепцию и интерпретацию классического образа Дон Кихота. Внимание испанской публики и ученых к Сервантесу и его Дон Кихоту особо усиливается уже начиная со второй половины XVIII века, а в XX веке, который часто называют в Испании «первым веком без империи», это внимание становится особенно острым.

В чем причина такого резкого обострения интереса? К. Бритт-Арредондо связывает его именно с новым статусом испанского государства и со стоящим перед обществом Испании выбором: предпочтут ли испанцы сохранить свои привычные традиционные ценности, которые в основной массе были достаточно консервативными, или же поддастся чарам «наступающей» (во всех смыслах современности с ее технологиями, свободой и другими вызовами, часто совсем не укладывающимися в привычные рамки)? Метафора, в рамках которой испанский характер ассоциировался с Дон Кихотом, которому противопоставлялась «нереальная реальность» этих современных вызовов, становится весьма популярна. «Появление (и применение) этой метафоры не ограничивалось одними испанскими интеллектуалами. По всей Латинской Америке победа Соединенных Штатов над Испанией в 1898 году воспринималась как угроза независимости региона. Латиноамериканские мыслители, такие как уругвайский политик и писатель Жозе Энрике Родо и никарагуанский поэт и журналист Рубен Дарио, связывали образ Робинзона Круза с ценностями американского экономического империализма и противопоставляли ему образ Дон Кихота как представляющий высшие культурные и духовные ценности (латиноамериканского) региона» [Britt-Agredondo, 2015, p. 3].

Но именно «кихотские» штудии Унамуно, а также Х. Ортеги-и-Гассета придали блеск этому тренду и сделали его широко известным и популярным в мире. Работу М. де Унамуно «Житие Дон Кихота и Санчо» [Унамуно, 2002], в которой, по утверждению американской «Энциклопедии Сервантеса», Дон Кихот наиболее наглядно представлен как универсальный «символ Испании» [Mancing, 2004, p. 48], называют «одним из наиболее репрезентативных произведений начала двадцатого века, представляющих “кихотизм”» [D'hondt et al., 2009, p. 18].

Кихотизм — понятие и концепция, базовые для всей философии Унамуно. Однако они неотделимы от еще одной важной сферы его размышлений — о вере; поскольку кихотизм стал для Унамуно высшим выражением его собственных религиозных размышлений и устремлений.

Он был воспитан в католической традиции, но к зрелому возрасту критически переосмыслил подходы ортодоксального богословия, уже не удовлетворявшие его стремление к познанию истины, которая, как считал Унамуно, может быть только конкретной, индивидуально-личностной. То, что он видел в современном ему мире, представлялось писателю «агонией христианства», главным признаком которой является раскол между верой и разумом, «сердцем» и «головой». Современный человек оказался в парадоксальной и мучительной ситуации напряженности между верой и сомнением, его религиозные убеждения, даже в случае если они имеются, представляют собой «только страстные надежды в зубах скептицизма».

Свои философские воззрения Унамуно передает как в форме размышлений-эссе, так и в художественных произведениях — в том числе в стихах. Так, в 1920 году Унамуно опубликовал стихотворение, которое до сих пор считается самым ярким шедевром его поэтического творчества, — «Христос Веласкеса». В этом стихотворении в полной мере проявилось постоянное стремление Унамуно выделить и проанализировать специфические национальные характеристики образа Христа, установить, как его понимают и воспринимают в Испании («испанский Христос»).

3.2. «Кихотизм» и религия в произведениях Унамуно

«Вера, которая не сомневается, — это мертвая вера» [Изотова, 2011, с. 142], — писал однажды Унамуно. При этом его не заботят абстрактные вопросы о сущности Бога или Бытия — его волнуют лишь конкретные, осязаемые, личностные проявления, человеческая жизнь как она есть.

Унамуно гораздо меньше занимал конфликт между наукой и религией или между религией и политикой, чем те усилия, которые люди должны прилагать, чтобы, подвергая сомнению то и другое, отвергать упрощенные или стереотипные ответы на «вечные» вопросы. Унамуно не был ни атеистом, ни католиком в строгом смысле слова — так, как понимают это в стране с такой глубокой католической традицией, как Испания. Он категорически оспаривал возможность быть помещенным исследователями его творчества в рамки какой-либо конкретной духовной традиции или религиозной конфессии. «Мудрость он искал там, где философия соприкасается с религией» [Гараджа, 1996, с. 11]. К. С. Корконосенко даже определяет «кихотизм» как «индивидуальную религию» испанского писателя [Корконосенко, 2002, с. 45].

Согласно М. Алессандри, «кихотизм» у Унамуно вполне может быть сопоставлен с религией, поскольку он обладает практически всеми основ-

ными характеристиками традиционных религиозных образований: в нем присутствуют образы божества и его последователей, поклонение этому божеству, идея веры, эсхатологические мотивы; присутствует даже некий сакральный текст (в терминологии Унамуно, сам «заглавный» текст этой квазирелигии — роман Сервантеса Дон Кихот»), который Унамуно так и называет «El Evangelio de Quijote», то есть «Евангелие от Кихота». Таким образом, поскольку Унамуно воспринимает «кихотизм» как определенную религиозную форму, он старается выстраивать и формулировать его общую идеологию как идеологию религиозную (либо, если подходить с более строгими мерками, опять же как квазирелигиозную). Несмотря на то, что Унамуно прямо называет Алонсо Кихану (настоящее имя идадьго) «испанским Христом» — подобно тому, как Достоевский в своих заметках признавал «христологический» генезис образов князя Мышкина и Алеши Карамазова, — было бы неправомерно так же прямо отождествлять «кихотизм» с христианством. «Вообще говоря, различия между «кихотизмом» и христианством проистекают из соответствующих онтологических статусов Христа и Дон Кихота: божественности и человечности. Владения Христа — это небеса, которым Унамуно эффектно противопоставляет (образ Дон Кихота), описывая его земные владения» [Alessandri, 2010, p. 106]. Алессандри утверждает, что унамуновскую концепцию «кихотизма» правильно было бы воспринимать в качестве такой религии, которая «параллельна некоему трансцендентному христианству, но базируется на этой жизни и на этой земле, а не на грядущей жизни на небесах. Кихотизм как религия “мира сего” выстраивает вымышленный образец — Бога, который ведет себя подражательным образом...» [Alessandri, 2010, p. 107].

К образу ламанчского идадьго Унамуно обращается уже в некоторых ранних своих эссе 1895 года. Позднее этот образ появляется во многих его сочинениях, однако свое концентрированное выражение эта тема получает в специальном эссе, так и названном автором: «Житие Дон Кихота и Санчо». Это глубоко личное эссе, написанное в 1905 году: автор постарался приурочить его к трехсотлетию со дня публикации первой части знаменитого романа Сервантеса (1605 год).

3.3. Взаимосвязь произведений Достоевского и Унамуно

Очень большое влияние на Унамуно оказало наследие Ф. М. Достоевского, которого он глубоко уважал. Как широко известно, Достоевский в свое время создал ряд «идеальных образов», представляющих христологическую традицию: Соня Мармеладова — как образ, прототипами которого выступают Мария Магдалина и гностическая София, Алеша Карамазов и князь Мышкин — как художественные воплощения образа «современного Христа». Однако, помимо того, в образах Алеши и князя

легко прочитывается влияние образа Дон Кихота — в котором, впрочем, сам Достоевский также видел такого же «современного Христа». Исследователи часто сопоставляют Дон Кихота в интерпретации Унамуно с князем Мышкиным Достоевского: с одной стороны, подчеркиваются такие объединяющие их черты, как доброта и общая оторванность от реальности, дефицит «такта действительности»; с другой — указывается героизм как существенный для характера идальго признак (Мышкину в целом чуждый) [Корконосенко, 2002, с. 322].

Унамуно исследует литературную фигуру, в которой, по его мнению, была наиболее адекватным образом запечатлена сама «душа Испании» (точно так же и Достоевский увидел в образе Дон Кихота отражение души всего русского народа [Норец, 2021]). В своем эссе автор защищает Дон Кихота и его рыцарскую миссию не только от настоящих «противников», но даже от самого автора — своего гениального тезки Мигеля де Сервантеса Сааведры (1547—1616).

На протяжении всей литературной карьеры Унамуно использовал свой талант писателя в качестве средства для изучения тех философских вопросов, которые особенно его интересовали. Дон-Кихот представлен здесь именно с философских позиций, конкретнее — с позиций экзистенциализма с его приоритетом, отдаваемым личности. При этом он определенно следует сервантесовской эстетике, часто цитируя Сервантеса почти дословно — порой, правда, заменяя в этих цитатах используемые автором архаичные формы слов их более современными формами.

Философия кихотизма Унамуно — это подход, базирующийся на образе главного персонажа самого известного шедевра испанской литературы — романа Сервантеса «Дон Кихот Ламанский», который Унамуно часто называет испанской национальной Библией, наиболее выдающейся книгой за всю историю испанской литературы и, возможно, одним из наиболее важных литературных произведений для всего человечества (как близка эта оценка оценке Достоевского! [Норец, 2021, с. 126]).

Унамуно сразу предупреждает, что его интерпретация текста Сервантеса, конечно, окажется, очень субъективной — настаивая, однако, что как раз субъективная, личностная интерпретация художественного текста и есть самый важный аспект его философии кихотизма. Он утверждает, что каждый имеет право видеть собственные символы в фигурах Дон-Кихота и Санчо Пансы — его верного оруженосца и постоянного антагониста, персонажа насквозь «земного», материалистичного и прагматичного, обращаясь к которому Унамуно восклицает: «О прагматичные прагматики Санчо, позитивные позитивисты Санчо, материальные материалисты Санчо!..» [Унамуно, 2002, с. 110]

Для Унамуно Дон Кихот — герой, существующий вне сферы рационального. И хотя он не реальная личность, Унамуно видит в нем нечто даже большее, чем «плоть и кровь», — нечто, что позволяет ему стать «реальнее» собственного автора и к чему Унамуно испытывает, как он признается, зависть. Дон Кихот становится главным идеалом в рамках его мировоззрения, предоставляя, по утверждению Унамуно, новую фундаментальную систему — тот базис, ту опору, которая позволяет человеческой воле пережить трагизм собственного существования. И, в частности, именно в этом смысле Дон Кихот принимает на себя роль «испанского Христа».

Еще одна черта в образе Дон Кихота, которая постоянно привлекает внимание Унамуно (и которая снова заставляет вспомнить князя Мышкина как, в некотором смысле, «литературного потомка» Дон-Кихота; К. А. Степанян в работе «Достоевский и Сервантес» одну из глав специально посвящает данному вопросу — она названа: «Дон Кихот и князь Мышкин в поисках реальности»), — его безумие, в котором испанский писатель видит не случайный биологический фактор, а некую «судьбообразующую» парадигму, отбрасывающую ответ на любые другие аспекты жизни рыцаря. Таким образом, «Дон Кихот возвышает некий прежде неизвестный тип здравогомыслия, которое другие люди называют безумным, — здравомыслие, которое, уставшее от определений, ищет воды вечной жизни» [Cohen, 1973, p. 8].

Подобное понимание сложилось у Унамуно далеко не сразу. Исследователи отмечают, что 1895—1902 годы были для писателя «годами антикихотизма» (пик которых пришелся на 1898 год) [Alessandri, 2010, p. 107], и одной из главных причин был «стыд» Унамуно в связи с тем, что главный герой испанской культуры — безумец. Лишь со временем его видение полностью трансформируется: отныне для него безумие Дон Кихота — одна из наиболее существенных философски-экзистенциальных характеристик в образе рыцаря, но безумие это кардинальным образом отличается от любых возможных обывательских трактовок.

«И Дон Кихот, и князь Мышкин в качестве конечной (пусть порой скрытой) цели берут на себя миссию воскрешения <...> Именно эта связь (Бога с человеком и человека с другими людьми и с вечностью) и составляет главный “предмет” искусства Сервантеса и Достоевского...» [Степанян, 2013, с. 134].

Как отмечал автор литературной колонки одной из американских газет, в качестве исходного пункта всей его интеллектуальной критики можно принять следующую сентенцию: безумие представляет собой реальность, тогда как «историческая объективность» — это, на деле, и есть настоящее безумие. «Это определение “кихотизма” явно расходится с его общепринятым пониманием. Рыцарское призвание и начинания Дон Кихота, постоян-

но прагматизируемые его сочувствующим оруженосцем, рассматриваются Унамуно как высший тип паломничества. («Я верю, что мы могли бы предпринять священный крестовый поход, чтобы освободить Гробницу Рыцаря Безумия от власти поборников Разума»). Властители разумности — планировщики, ученые, политики возможного — все осуждаются Унамуно как предатели духа Дон Кихота» [Cohen, 1973, p. 8].

3.4. Философские вопросы произведений Унамуно

Писатель напрямую связывает тему Дон Кихота и с еще одной постоянной для себя темой — темой «голода по бессмертию», который выступает для него одной из важнейших характеристик человеческого существования. Унамуно по-своему отвечает на сакраментальный вопрос: безумен ли Дон Кихот? — Безумие Дон Кихота для него есть ярчайшее проявление этого «голода», предельное его выражение. Эта страсть, эта непреодолимая тяга к вечному существованию, «сублимируясь», как сказал бы Фрейд, превращается в — как говорит Унамуно — в источник самых экстравагантных глупостей, а также самых героических поступков. «Бессмертие как борьба (за бессмертие)» [Mora et al., 1962, p. 31] — так определяет основную мысль Унамуно Хосе Мора. «Подлинная жизнь начинается для Унамуно <...> когда личность побеждает страх и живет “по-донкихотски”» [Костюкович и др., 1994, с. 34].

Этот подход, который отражает понятие Унамуно о подлинном существовании — о человеческой экзистенции, — очень близок также и воззрениям одного из самых глубоких философов-экзистенциалистов XX века Альбера Камю (философа, на формирование воззрений которого глубокое воздействие оказали в том числе и работы Ф. М. Достоевского). В двух самых знаменитых своих эссе — «Бунтующий человек» и «Миф о Сизифе» [Камю, 1990] — Камю задается вопросом: в чем может человек найти опору для выживания в нашем абсурдном мире? Камю определяет три пути: бунт, свобода и страсть — эта триада как нельзя лучше определяет тот нестаренский образ «безумного» рыцаря, который лег в основу философии кихотизма Мигеля де Унамуно.

Еще большую глубину, однако, обретает этот образ в контексте всего творчества Унамуно — в частности, при сопоставлении его с философской проблематикой его романа «Туман». Исследователи даже специально подчеркивают, что «Туман» (написанный в 1914) представляет собой логическое продолжение или художественно-литературное воплощение тех теоретических положений, которые еще в 1902—1905 годах Унамуно развивает в «Глоссах к “Дон Кихоту”» и в «Житии Дон Кихота и Санчо Пансы» [Basdekis, 1974, p. 52]. И впрямь, разговор автора с Аугусто в «Тумане» о свободе воли литературных персонажей и «реальной» человеческой

личности перекликается с основными сентенциями «Жития Дон Кихота», такими как: «нельзя считать, что Дон Кихот это детище Сервантеса; ведь если последний был его отцом, то матерью был народ, среди которого жил и которым жил ...» [Унамуно, 2002, с. 311].

Если «положительно прекрасные» персонажи Достоевского, значительное влияние которого на испанского писателя признают все исследователи, эволюционируют в сторону все большей реалистичности образа (так, Алеша, герой его последнего романа, куда более активен, целеустремлен и социально адаптирован, чем Мышкин из более раннего «Идиота»), — Унамуно прямо провозглашает «идеального» героя по-своему более реальным даже, чем любой человек «из плоти и крови». Основанием для такого экстравагантного утверждения служит тот факт, что «идеальная» личность — подобная, например, Дон Кихоту — способна оказать (и действительно оказывает!) гораздо более осязаемое воздействие на жизнь и духовное развитие «реальных» людей, чем любые другие подобные ему «реальные» люди.

На протяжении всей книги Унамуно неоднократно просит не путать его с одним из тех литературоведов, которые в своей ограниченности рассматривают главных героев Сервантеса всего лишь как персонажей литературного произведения; в утверждении, будто их никогда не существовало, ему видится величайшая несправедливость, которую он призван исправить. Скрупулезно, в деталях рассмотрев жизнь Дон Кихота, он заключает, что Дон Кихот является «не существом вымышленным, как полагают светские маловеры, а человеком из плоти и крови, из тех, кому надо было и есть, и пить, и спать; и умереть...» [Basdekis, 1974, p. 118].

Глубоко показательно, что спустя много лет практически теми же словами он начнет свое главное эссе о человеке — «О трагическом чувстве жизни у людей и народов» [Унамуно, 1996].

4. Заключение = Conclusions

Мы уже отмечали общепризнанное влияние Ф. М. Достоевского на творчество Мигеля де Унамуно. Двух писателей объединяет в том числе и преклонение перед образом Дон Кихота, в котором оба видели, во-первых, обобщенное отражение собственных народов (русского и испанского), во-вторых — несомненные черты Христа. На таком подходе основана философия кихотизма Унамуно, представляющая Дон Кихота как главную надежду человечества и главную опору человека в абсурдном и трагическом существовании. Исследователи отмечают типологическую близость в культурно-историческом развитии России и Испании; в подтверждение этому и Достоевский, и Унамуно находят в образе Дон Кихота отражение

национального характера своих народов. В то же время этот образ для них «перерастает» любые национальные границы, выступая как метафора возможного (и желательного!) пути развития всего человечества. Основное отличие в развитии «кихотических» и «христоподобных» образов Достоевского и Унамуно заключается в следующем: «положительно прекрасные» персонажи Достоевского эволюционируют в сторону все большей реалистичности, тогда как Унамуно прямо провозглашает «идеального» героя по-своему более реальным, чем его создатель или даже любой человек «из плоти и крови», ведь «идеальная» личность (такая как Дон Кихот) оказывает гораздо более осязаемое воздействие на жизнь и духовное развитие «реальных» людей, чем другие «реальные» люди.

Весьма перспективным для дальнейшего исследования по рассмотренной проблематике представляется следующее. Как известно, многие персонажи Ф. М. Достоевского, мягко говоря, «психически нестабильны»; даже «идеальная личность» — князь Мышкин — страдает психическим заболеванием. Но ведь и сам Дон Кихот у Сервантеса также нездоров, и именно психическим нездоровьем обусловлены его «рыцарские» фантазии, от которых он избавляется только перед смертью. М. де Унамуно не уделяет особого внимания данной проблеме — и все же неоднократно затрагивает ее, в той или иной форме, в своих работах. Интересно было бы проследить детальнее и снова сопоставить подход двух великих писателей к проблеме соотношения тех характеристик, которые Унамуно выделяет как маркерные для «кихотизма», и состояния ментального здоровья индивида.

Литература

1. *Гараджа Е. В.* Евангелие от Дон Кихота / Е. В. Гараджа // Унамуно М. де. О трагическом чувстве жизни у людей и народов. — Киев : Символ, 1997. — 414 с. — ISBN 5-7248-0043-8.
2. *Изотова И. С.* Человек, Бог и религия в философской танатологии Мигеля де Унамуно / И. С. Изотова // Вопросы философии. — 2011. — № 1. — С. 56—69.
3. *Камо А.* Миф о Сизифе : Эссе об абсурде / А. Камо // Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. — Москва : Политиздат, 1990. — 415 с. — ISBN 5-250-01279-5.
4. *Корконосенко К. С.* Кихотизм — индивидуальная религия Мигеля де Унамуно / К. С. Корконосенко // Унамуно М. де. Житие Дон Кихота и Санчо по Мигелю де Сервантесу Сааведре, объясненное и комментированное Мигелем де Унамуно. Пер., примеч. — Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 2002. — 394 с. — ISBN 5-02-028458-0.
5. *Костюкович Е. А.* Испанская литература / Е. А. Костюкович, И. А. Тертерян // История всемирной литературы : В 8 томах / Гл. ред. Ю. Б. Виппер. — Москва : Наука, 1983—1994. — Т. 8. — С. 56—69.
6. *Норец М. В.* Мотив покаяния в романной прозе Ф. М. Достоевского : монография / М. В. Норец. — Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2021. — 232 с. — ISBN 978-5-907438-10-1.

7. Степанян К. А. Достоевский и Сервантес : Диалог в большом времени / К. А. Степанян. — Москва : Языки славянской письменности, 2013. — 363 с. — ISBN 978-5-9551-0537-6.
8. Унамуну М. де. Житие Дон Кихота и Санчо по Мигелю де Сервантесу Сааведре / М. де Унамуну. — Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 2002. — 394 с. — ISBN 5-02-028458-0.
9. Унамуну М. де. О трагическом чувстве жизни у людей и народов / М. де Унамуну. — Киев : Символ, 1997. — 414 с. — ISBN 5-7248-0043-8.
10. Шайтанов И. О. История зарубежной литературы эпохи Возрождения : учебник и практикум. 3-е изд., испр. и доп. / И. О. Шайтанов. — Москва : Издательство Юрайт, 2014. — С. 385—412. — ISBN 978-5-9916-3764-0.
11. *A Companion to Miguel de Unamuno* / ed. J. Biggane, J. Macklin J. Suffolk. — Woodbridge : Boydell & Brewer, 2016. — 243 p.
12. Alessandri M. A. Flesh and bone: Unamuno's "quixotism" as an incarnation of kierkegaard's "religiousness a" / M. A. Alessandri // The Pennsylvania State University. — 2012. — № 56 (4). — Pp. 434—448.
13. Basdekis D. Unamuno and the Novel / D. Basdekis // Estudios de Hispanófila, 1974. — № 31.
14. Britt-Arredondo C. Quixotism : the imaginative denial of Spain's loss of empire / C. Britt-Arredondo. — Albany : State University of New York Press, 2015. — 266 p.
15. Cohen A. A. Our Lord Don Quixote / A. A. Cohen // The New York Timrs. — 1973. — Dec. 16. — P. 397.
16. D'hondt R. International Don Quixote / R. D'hondt, T. D'haen. — Amsterdam, New York : Rodopi, 2009. — 280 p. — ISBN 9042025832.
17. Mancing H. The Cervantes Encyclopedia / H. Mancing. — Westport (Conn.) ; London : Greenwood Press, 2004. — Vol. 2 : L-Z. — Pp. 417—863. — ISBN 0-313-32891-9.
18. Mora J. F. Unamuno : A Philosophy of Tragedy / J. F. Mora, P. Silver. — Berkeley, CA : University of California Press, 1962. — 136 p.

References

- A Companion to Miguel de Unamuno*. (2016). Woodbridge: Boydell & Brewer. 243 p.
- Alessandri, M. A. (2012). Flesh and bone: Unamuno's "quixotism" as an incarnation of kierkegaard's "religiousness a". *The Pennsylvania State University*, 56 (4): 434—448.
- Basdekis, D. (1974). Unamuno and the Novel. *Estudios de Hispanófila*, 31.
- Britt-Arredondo, C. (2015). *Quixotism: the imaginative denial of Spain's loss of empire*. Albany: State University of New York Press. 266 p.
- Camus, A. (1990). The Myth of Sisyphus: An Essay on the absurd. In: *The Rebellious Man. Philosophy. Politics. Art*. Moscow: Politizdat. 415 p. ISBN 5-250-01279-5. (In Russ.).
- Cohen, A. A. (1973). Our Lord Don Quixote. *The New York Timrs. Dec. 16*. P. 397.
- D'hondt, R., D'haen, T. (2009). *International Don Quixote*. Amsterdam, New York: Rodopi. 280 p. ISBN 9042025832.
- Garadja, E. V. (1997). The Gospel of Don Quixote. In: *Unamuno M. de. About the tragic feeling of life among people and nations*. Kiev: Symbol. 414 p. ISBN 5-7248-0043-8. (In Russ.).
- Izotova, I. S. (2011). Man, God and religion in the philosophical thanatology of Miguel de Unamuno. *Questions of philosophy*, 1: 56—69. (In Russ.).

- Korkonosenko, K. S. (2002). Quixotism — the individual religion of Miguel de Unamuno. In: *Unamuno M. de. The Life of Don Quixote and Sancho by Miguel de Cervantes Saavedra*. Leningrad: Nauka, Leningrad Branch. 394 p. ISBN 5-02-028458-0. (In Russ.).
- Kostyukovich, E. A., Terteryan, I. A. (1983—1994). Spanish literature. In: *History of World literature: In 8 volumes, 8*. Moscow: Nauka. 56—69. (In Russ.).
- Mancing, H. (2004). *The Cervantes Encyclopedia, 2: L-Z*. Westport (Conn.); London: Greenwood Press. 417—863. ISBN 0-313-32891-9.
- Mora, J. F., Silver, P. (1962). *Unamuno: A Philosophy of Tragedy*. Berkeley, CA: University of California Press. 136 p.
- Norets, M. V. (2021). *The motive of repentance in the novel prose of F. M. Dostoevsky: monography*. Simferopol: IT “ARIAL”. 232 p. ISBN 978-5-907438-10-1. (In Russ.).
- Shaitanov, I. O. (2014). *History of foreign literature of the Renaissance: textbook and workshop*. Moscow: Yurayt Publishing House. 385—412. ISBN 978-5-9916-3764-0. (In Russ.).
- Stepanyan, K. A. (2013). *Dostoevsky and Cervantes: Dialogue in a Big Time*. Moscow: Languages of Slavic Writing. 363 p. ISBN 978-5-9551-0537-6. (In Russ.).
- Unamuno, M. de. (1997). *About the tragic sense of life in people and people*. Kiev: Symbol. 414 p. ISBN 5-7248-0043-8. (In Russ.).
- Unamuno, M. de. (2002). *The Life of Don Quixote and Sancho by Miguel de Cervantes Saavedra*. Leningrad: Nauka, Leningrad Branch. 394 p. ISBN 5-02-028458-0. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 25.11.2022,
одобрена после рецензирования 23.01.2023,
подготовлена к публикации 31.01.2023.